

— Ленинград, 7 июля 1980 г.

Дорогой Сашок!

— Я предвижу твои возражения по поводу последних писем. Основных, по моим подсчётам, два. Это те, которые уже затрагивались нами ранее.

— Первое касается понятия свободы. В моём изложении здесь свобода выглядит как какое-то сплошное отрицание конкретного содержания, как какая-то голая бессодержательная сверхформа: свобода от всего. В каком чудовище это может реализоваться?

— Но тут, во-первых, я хочу сказать: подожди. Может быть после этот вопрос прояснится. Прими пока к сведению вот это понимание свободы именно как потенциальной неудовлетворённости никаким ограничением, стремление выйти за какие бы то ни было рамки.

— А во-вторых, разве мы не видим в себе и вокруг себя вот таких на первый взгляд бессодержательных форм? Это как раз касается твоего второго возможного возражения. Ты спросишь: так что же такое всё-таки личное Я? Где оно? Какое оно?

— Ещё раз отвечу: подожди. Может быть, после прояснится. Пока же прими к сведению, что личное Я определить-то, то есть свести к ограниченному содержанию, никак и нельзя. Это не рука и не нога, не глаза и не твоя диссертация, но на всём этом тем не менее лежит отпечаток этого неуловимого, неопределимого личного Я. Оно конкретно дано в каждый момент и в то же время неопределимо. Это не то, не то и не то, сплошное отрицание (как в случае свободы), но в то же время конкретно.

— Это как в случае актуальной бесконечности: ряд не знает предела и в то же время конкретно дан.

— Например, между числами А и В может уместиться бесконечное число рациональных чисел, и никаких границ этому ряду положить нельзя, но в то же время, несмотря на неисследимость, вся эта бесконечность конкретно дана от А до В.

б.

— В этой связи интересно проанализировать чудесный рассказ Библии о грехопадении Адама. За буквой этой метафоры скрывается глубокий духовный смысл. Как бы мы ни понимали первозданного Адама - как лицо единичное: или как олицетворение собирательное - суть от этого не меняется. Для науки, по-видимому, навеки останутся тайной подробности появления человека на земле. Среди учёных есть две точки зрения: теория моногенизма - вид гомо сапиенс появился в результате единичной мутации, а затем подвергся подвидовому расслоению (это соответствует букве Библии и лучше согласуется с представлениями генетики); и теория полигенизма - вид гомо сапиенс более или менее одновременно появился в разных точках планеты (этим объясняется различие в расах, но такая точка зрения кажется невероятной с позиций видового единства рас и с точки зрения теории мутаций). Но, разумеется, Библия - не учебник палеонтологии, а книга, повествующая об истории спасения, и предъявлять к ней те же требования, что и к научным диссертациям, бессмысленно.

— Об Адаме вкратце Библия сообщает следующее:

— 1. Человек - вершина творения. Всё прочее создано не для того, чтобы определять человека, а наоборот, чтобы человек определял всё (Адам "называет" животных), "владевал" над всем остальным. Залог этого "владычества" - в образе Божиим, то есть в потенции к совершенствованию в свободе (Быт. 1,26).

— 2. Человек - вершина, но вершина не абсолютная, создание, призванное к свободному

усовершенствованию. Это усовершенствование состоит лишь в одном - познании воли Божией, признании её благой и единственно разумной, ну и в спокойном следовании этой благой воле, то есть в следовании по пути обожения ("быть как боги"), самоосуществления, богоосуществления, то есть к абсолютной вершине эволюции. Схематически воля Божия выражается в заповеди не есть плодов с древа познания добра и зла (по-еврейски "добро и зло" - тов вара - идиоматическое выражение, означающее "всё на свете", "всё вообще"). Человеку достаточно знать лишь волю Бога о себе, все остальные знания обладают ничтожной ценой, так как к цели обожения, свободы не ведут.

—3. Человек, пользуясь минимумом своей свободы, не устоял в исполнении воли Божией. Его соблазнил (то есть обманул) змей. Стремясь к благой цели "стать как боги" (Быт.3,5), человек дал повод развратить свой разум и устремился к истинной цели ложным путём. Ведь ясно, что обожиться человек может лишь следуя воле Божией, будучи разумно-свободным проводником Божественного о себе Промысла ("следуя заповеди"). Именно от этого единственного разумного пути человек отказался и нарушил волю Божию, то есть отказался по сути дела от свободы обожения. И в пользу чего отказался? А в пользу отрицания Бога (то есть самого же себя со всем своим развитием) (Быт.3,4-5). Вместо нравственного подвига следования воле Божией как пути к свободе и истинному "владычеству" человек вздумал обожиться странным, слишком уж лёгким и механическим путём: поел плодов - и стал как Бог.

—Но что суть эти плоды? Низменные творения Божии, низшие стадии эволюции, "неможные стихии мира". Вместо познания Бога и Его воли о себе человек избрал познание "добра и зла", то есть всего остального, чего угодно, только не Бога. Какой же в этом смысл? Да никакого. Что же дало это "познание" без Бога в уме и сердце? Да то, что люди наги (Быт.3,7)(еврейский символ животности), то, что они - простые несчастные обезьяны, а вовсе не боги. (1)

—(1) *В этом месте письма о. Ианнуария моя карандашная приписка не знаю какого времени: (Теоретическое и эмпирическое моделирование!)*

—Этот "подвиг" богоборчества люди повторяют из поколения в поколение. Они думают, что магией, колдовством, наукой, освоением космоса, социальными преобразованиями, постами, молитвами, йогическими манипуляциями и т.п., то есть чисто механически они сумеют найти счастье и достичь какого-то туманного смысла своего существования. Тщетно. Действительность разбивает все эти мифы и приводит человека к печальному признанию своей немощной животности, то есть к смерти (Быт.2,17). Люди вновь и вновь "возвращаются опять к немощным и бедным вещественным началам" и дают им снова поработить себя, по словам ап. Павла (Галаты 4,9) (здесь он имеет в виду "стихии" Эмпедокла, конечно).

—4. Едва человек обусловил себя (поработил) вещественными стихиями, как тотчас изменилось соотношение "человек-мир". Из "сада сладости" (рай, Эдем по евр. - "сад сладости"), в котором человек был призван к постепенно совершенствующемуся "владычеству", он был изгнан (Быт.3,24). Земля произрастила для него "терния и волчцы"; как животное, он в поте лица стал добывать себе хлеб и вернулся в прах, из которого был взят (Быт.3,17-19).

—Таков пролог истории спасения. Рассказ, не претендующий на палеонтологическую достоверность, но достоверный, как фактическое описание жизни всякого человека. Всякий человек (при фактически наследственной связи с моно- или полигенетическим Адамом) обнаруживает в себе фактическое несовершенство, фактическое стремление к совершенству и фактические препятствия на пути к нему. Таков смысл рассказа о первородном грехе.

Естественно, что при фактической испорченности люди часто не только не давали себе труда серьёзно задуматься над этим библейским рассказом (а он кроме того, что мы

только что обсудили, даёт ещё просторы для духовных размышлений, в частности, приоткрывает завесу над онтологической проблемой зла, чего мы касаться не станем), но в меру своей развратности давали рассказу самые фантастические толкования. Так, XVIII век париков и плоской жеманной рациональности измыслил, совсем в манере рококо, своё толкование грехопадения: это, мол, первое плотское соитие людей. По этому поводу стихоплёты и вольтеры, грязно хихикая и жеманно прикрываясь ручками, болтали много вздора.

— Как карикатуру изображал этот рассказ и Лев Толстой ввиду своего полного религиозного невежества. Он почему-то полагал, что цель христианства - путём истребления греха возврат человека к первозданному Адаму. Иначе говоря, - возврат к легендарному раю, забыв, что "жизнь будущего века" христианского Символа Веры, - не первобытный руссоистский или библейский ветхий рай, а Новый Иерусалим - состояние действительного обожения, свободы человека. Неудивительно, что Толстой, изображая христианство так, как представляют его невежество и народная фантазия (хотя бы в сочинении "В чём моя вера") выступает против христианства по поводу несуществующего в нём учения и победоносно опровергает последнее. Замечательно, что при этом Толстой, вопреки совершенно ясному свидетельству Библии (Быт2,15) почему-то утверждает, что блаженство первых людей состояло в праздности. Ну, а раз христианство целью своей имеет вернуть людей к первобытному состоянию праздности, то оно безнравственно. Здесь ложь, помноженная на ложь. Так Толстой поступает, впрочем, и в остальных случаях, стоит речи зайти о Церкви.

— Итак, Адам становится невольником условий той среды, в которой он обитает (в Библии - "раб греха"), но образ Божий в нём при этом, потускнев, не изгладился. Этот образ призывает Адама к совершенству. Но как сохранить хотя бы это ощущение своего призвания? Как не дать стихиям мира уничтожить в человеке хотя бы тень свободы? Об этом рассказывает Ветхий Завет. Если человек с такой лёгкостью нарушил нетрудную райскую заповедь, то вожди израильского народа не только утвердили и расширили заповедь, но и возвели её в юридический национально-религиозный Закон. Десятки, сотни границ, ритуальных и моральных правил. За нарушение их - наказание. По-видимому, только такими жестокостями можно было удержать в народе веру в Бога и в человеческое призвание. Всё это промыслительно, всё это в плане эволюции. Всё это - строительство башни.

— И всё же, сколько можно ждать? На что надеяться? Поколение сменяется поколением, а жизнь человека остаётся прежней, не выявляя признаков развития собственно личного начала.

— Как можно ответить на вопрос: сколько ждать? Одному Богу известно. Один Его день - тысяча наших дней.

Эволюция обнаруживает два закономерных момента: во-первых, должны выкристаллизоваться условия для появления нового видового скачка; во-вторых, мутация всё же происходит неожиданно, скачком.

Эта аналогия подходит к нашему случаю. Тысячелетия довольно-таки сонной религиозной истории вдруг, накануне II-го тысячелетия до наших дней, сменяются бурными событиями. Как грибы в разных концах света растут новые религии, возвещающие наступление эры свободы, спасения от рабства. Лао-цзы и Конфуций в Китае, Будда в Индии, Зороастр в Персии, Сократ и Платон в Греции, пророки в Израиле... Всё это было свежо, молодо, энергично, исполнено мистического заряда напряжённого ожидания. Вот-вот должно было что-то случиться.

Римляне перечитывают Сивиллины книги, упиваются таинственными пророчествами Вергилия. Наконец, - провозглашают богом и спасителем ничтожного, тленного человека - императора. Это было остро провиденциально. Когда языческий мир назвал человека

богом, тогда Бог осуществил Себя, наконец, в человеке, и было это не в царском дворце, а в убогом хлеву Вифлеема Иудейского.

— Это был Новый Адам, появившийся в предпочищенном от греха недре Израиля, в недре Той, Которая, как видно, сконцентрировала в Себе все благодатные условия возрождения, поставляемые Законом. И, конечно же, эта тайна столь же непостижима, как непостижима всякая свобода.

— Новый Адам был чист как Адам Ветхий, но жил Он не в условиях "рая сладости", а среди "терний и волчцев". Какая мощная сила нравственного устремления потребовалась от Него в этих условиях! И Он выдержал все искушения всех змиев. Он знал о Своём высоком назначении. Он называл Себя Сыном Божиим, то есть полным выражением, осуществлением, воплощением Бога. Он видел в Себе наследника Бога на земле, критерий Истины, познав который, люди смогут стать свободными. Он всё это знал, но этого не знал никто вокруг Него. Никто, вплоть до Его смерти, до Его воскресения, до Его Вознесения, то есть до окончательного выхода в сферу безусловного.

— При Распятии ученики разбежались и предавали: они были разочарованы. Воскресению Его не верили глаза и уши. Вознесение было воспринято с радостью, но радость эта была какой-то невнятной. Это было истинное чудо. Такого никто не мог помыслить. А главное, не ясен был смысл этого, не ясно, при чём здесь всё остальные? Им-то, ученикам, другим людям, что это даёт? Ну, Он воскрес, а они что?

— Некоторое смятение, молитва и ожидание длилось 10 дней. Наконец, в день Пятидесятницы произошло нечто, что окончательно "отверзло ум к уразумению писаний", и они уразумели, наконец, тайну Божия спасения всех людей, уразумели Самого Христа не как великого учителя жизни (таких было и будет всегда в изобилии) и не как славного царя израильского, а как истинного Бога - Спасителя мира. Но об этом после.

— Пока же уразумеем и мы хотя бы только то, что в Христе, в факте Его Воскресения, то есть посприя всяких условностей и выхода из рабства условиям в область абсолютной свободы завершилось строительство Бого-человека на земле. Альфа осуществилась в Омеге. Круг времён замкнулся. Действительная бесконечность жизни восторжествовала над дурной бесконечностью рождений-смертей. Бог стал человеком и человек стал безусловным Богом. Это - вершина эволюции и граница всего вообще мыслимого.

— Мы живём в несказанно счастливое время. Мы знаем Бога не только сквозь тусклое стекло туманных антропоморфизмов и прозрений, а знаем Бога-человека, действительный факт космической истории.

— Отвергать факт Воскресения, конечно, можно, но при этом надо иметь в виду, что историческая добросовестность, разумеется, здесь не при чём. Вольному воля.

— Ленинград, 9 июля 1980 г.

7.

— Личный Бог осуществил Себя в космическом веществе. Он стал человеком, человеческая природа восприняла полноту Божественной энергии и освободилась из-под власти вещественных условий. "Где" бы теперь тело Христа не пребывало, оно не чуждо нам по своей вещественности.

— Однако, перед нами при этом неминуемо встаёт ряд недоумённых вопросов. Если Цель Абсолюта в мире достигнута, зачем влачится поныне человеческое существование? Зачем поныне в каждом человеке образ Божий настойчиво вызывает к счастью и совершенству? Как долго будет длиться история? Что нам до Христа Воскресшего? Он воскрес, цель Божественной Монады достигнута. Альфа осуществилась в Омеге, но нам-то что?

— Для того, чтобы подступиться к ответу на эти вопросы, вспомним, что для анализа целесообразности мы взяли в своё время часть космоса - человека как отдельную личность, как единицу, монаду. А теперь обратимся к несколько более широкой части космоса - к обществу людей, хотя бы к двум людям. Это ведь тоже часть космоса, и

принцип, осуществляющий себя в двух людях (или более) не чужд общекосмическому принципу.

— Двое людей. Их совместное существование - не то же, что существование монады. Волей-неволей это что-то качественно новое, это - диада. Бытие двоих помимо устремлённости к безусловной свободе каждого из них характеризуется ещё отношением их друг к другу: любовью или враждой (либо равнодушием, чреватым враждой). Более того, свобода каждого из них не может быть безусловной до тех пор, пока существует сопротивляющаяся свобода другого. Предположим, я люблю кого-то, но этот некто не отвечает мне взаимностью. Вся моя свобода при этом разлетается в прах: я становлюсь рабом другого, рабом своего чувства. Предположим, я ненавижу кого-то, и этот некто будет отравлять моё существование самим фактом своего бытия: я становлюсь рабом необходимости примириться с фактом его существования, становлюсь рабом своей ненависти.

— Собственно, последовательное осуществление индивидуальной свободы без любви должно привести меня к стремлению уничтожить всех, и я буду страдать от неисполнимости этого желания.

— Индивидуальная свобода в обществе столь же свободных людей невысказана; она - абсурд.

— Общество постоянно обнаруживает две тенденции. С одной стороны, оно стремится подавить свободу индивидуума. Само понятие абсолютной индивидуальной свободы обозначается словом "произвол" и расценивается как нечто вредное, недолжное. Для подавления произвола (а границы произвола изменчивы, зависят от конкретного общественного устройства) служит государство с его законами и аппаратом принуждения. С другой стороны, общество стремится самоурегулироваться так, чтобы в границах законности осуществлялась оптимальным образом свобода каждого. Этот поиск оптимального устройства общества - двигательная сила социальных переустройств. В общем и целом рациональное общество стремится к утверждению того, что метко названо "разумным эгоизмом", то есть к некому устойчивому среднему распределению индивидуальных свобод.

— Нет нужды доказывать, что идеал устойчивого общества при сохранении человеческого в человеке утопичен. Это хорошо сказано в уже цитированном тексте из Достоевского. Во-первых, такое усреднённое общество очень напоминает состояние термодинамической "тепловой смерти" и лишает человека всякой надежды на собственно личностное развитие. Во-вторых, человек всё же никогда не смирится с сереньким средним, пока он человек, а не пчела и не муравей.

— И вот история демонстрирует нам, что общества, подчёркивающие момент приоритета индивидуума перед общественными силами (современные "свободные общества"), таят в себе ненависть, неустойчивость, зависть, приземлённую бездуховность. Всё это может сдерживаться до поры до времени, но рано или поздно прорывается нарывами всеобщих стачек, разгула революционных страстей, войнами, неизбежными экологическими кризисами и т.д.

— Напротив, общества, подчёркивающие приоритет социума над индивидуумом (государство, описанное в чудовищных "Законах" Платона, "лагерь социализма") таят в себе застой, духовную спячку, чувство неполноценности и, наконец, полное посправание даже мыслей о свободе. Всё это, конечно, только пределы схемы: действительность сложнее, но не выходит за эти пределы.

— И всё же факт поиска оптимального выхода говорит сам за себя. Сквозь все невзгоды, войны, потоки крови и слёз видно движение людей к цели, некая эволюция. Двигаются вслепую, как кроты, но движутся, руководимые идеей свободы, идеей личной свободы каждого в отдельности и всех вместе при этом. Поиск есть. Там, где есть поиск, где есть целесообразное движение, там дана как-то и цель, ибо невозможно искать то, чего совсем

никак не знаешь. Это только в сказке: поди туда не знаю куда, принеси то не знаю что. И разум и сердце человека знают, что им нужно. Нужна свобода и любовь. Сокрыты лишь пути, - как найти то и другое вместе.

— Выяснив это, пойдём по уже проторенной дороге соотношения движений в космосе с принципом, основанием этих движений. Общество не чуждо космосу, оно - часть космоса, потому и принцип движения общества к цели не чужд общекосмическому принципу. Бог - не Бог человека только, но и Бог людей.

— В человеке, как мы выяснили, осуществляется личное начало общекосмического принципа, начало разумной свободы. Какая сторона Бога стремится выразить себя в обществе людей? Всем вышесказанным даётся сам собой ответ: любовь, любовь, не ущемляющая свободы каждого.

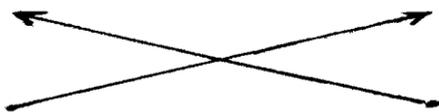
— Но как это возможно? Если Бог один (а Он один), то откуда же в Нём взяться любви? Кого любить, если в принципе больше никого нет?

— Здесь мы наталкиваемся на величайшую трудность в философии, которую мы собственными усилиями не преодолели бы, если бы не новозаветное Откровение, открывшее людям глаза и ум для разрешения этой тайны. "Бог есть любовь", - провозгласило христианство. Никакая иная религия не может этого сказать, особенно монотеистические религии Ветхого Завета или ислама (Богу там любить просто некого). Но христианство - тоже монотеистический взгляд на бытие. Что же этот монотеизм отличает от того? Теперь, спустя 2000 лет после Откровения, нам легко рассуждать, но тогда трудность была совершенно непреодолимой.

— Однако, сделаем вид, что Откровения не было, и притворимся, что мы сами находим выход из затруднения.

— Предельно упростим нашу задачу и сведём общество вначале к минимуму, к двум людям. Оба из этих двух хотят совершенной свободы. До тех пор, пока свобода одного будет противоречить свободе другого, именно свободы-то и не будет. Примитивно говоря: "Это моё!" - "Нет, это моё!" - Драка, в которой победа за сильным.

— Схематично:

1-й центр самосознания _____ 2-й центр самосознания _____ "волевой вектор" - свободы нет

— Любовь двоих - до полного слияния, до исчезновения индивидуальных существ в одном нераздельном существе - вот искомое. Идеальная любовь всегда представляется именно так: две личности имеют всё общее, они как бы одно существо.

— Юмор Платона в мифе об андрогинах ("Пир") - смех сквозь слёзы. Речь там идёт о том, что люди (андры - мужчины, и гинеки - женщины) первоначально были более счастливыми. Это были попарные существа, соединённые спинами. Были пары мужского и пары женского рода. Они жили безбедно, совмещая в каждом существе две головы, две пары рук, две пары ног; две личности владели без раздора этим сдвоенным существом. За какую-то провинность Громовержец рассёк их пополам и перемешал. И вот мечутся по земле обездоленные половинки, ищут свою полноту и не могут успокоиться, пока не соединятся с должной половиной. Мужчины находят счастье в некоем подобии слияния с мужчинами же, образуя таким образом подобие целостности первоначального андра. Женщины - с женщинами, восстанавливая гинеку. Иные вынуждены удовлетворяться компромиссом, соединяя мужское начало с женским, образуя гибрид - андрогина. Но, увы, полнота искомого счастья во всех этих случаях уже недостижима, так как полного восстановления первоначальных существ всё же не происходит.

— Такова всякая любовь на земле. Да и возможна ли она вообще? Упростим всё до схемы:

Любовь от первого требует согласования своей воли с волей второго. Пусть это произошло. Что дальше? Неистребимая жажда свободы требует не мёртвой статичности воли, а её свободного движения. Пусть (2) изменил направление своей воли, определил себя иначе:

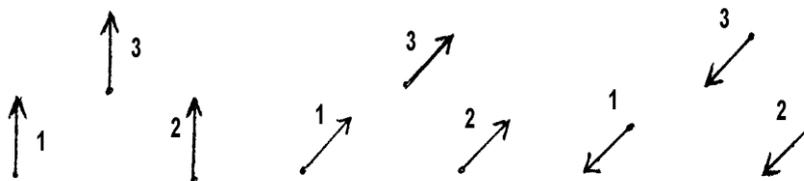

Чтобы не произошло конфликта волей, (1) должен пожертвовать собою и изменить соответственно свою волю:

— Но воля (2) не может быть связанной в этом положении, она снова изменится. Где та указка, которая подскажет воле (1), какую надо стать в следующее мгновение, чтобы не нарушить "любви"? Да и что останется от свободы первого, если нельзя будет и шагу ступить без оглядки на второго?

— Проблема разрешается не односторонней жертвой (согласие будет достигнуто, но ценой неравенства) и не обоюдной жертвой волей: это просто невыносимо. Проблема разрешается только, если двое жертвуют некоей третьей воле, которая становится их собственной волей:

Третья воля должна быть волей двух, не три воли, но одна воля для всех.

Мы, собственно, пришли к тому, с чего начали. Найденное решение и есть узаконенное общество, государство (в Библии - царство), царство закона, диктующего свою волю членам общества.

Двое только тогда более или менее нормально сосуществуют, когда они следуют правилам, нормам поведения (3-ей воле). Если они отказываются от нормы, наступает анархия. Однако, неудовлетворительность этого решения мы тоже отметили. Неудовлетворительность в том, что,

во-первых, закон жёстко ограничивает, он имеет характер мёртвой необходимости и тем самым не оставляет места полной свободе;

во-вторых, закон всегда что-то внешнее, более или менее чуждое, навязанное, а потому тоже сковывающее свободу.

Знание этой неудовлетворительности приводит и к решению вопроса.

Во-первых, закон должен быть не мёртвой необходимостью, а носить характер

личной свободы (то есть быть уже не законом, а личной, свободной волей, и, таким образом, царство закона должно уступить место царству некой личности).

— Во-вторых, этот новый "закон" должен быть не внешне навязанным, а составлять собственное существо обоих членов подлежащего отношения (1 и 2).

— Итак, волю двоих можно принести в жертву воле третьей только тогда, когда

— 1. эта тотальная жертва обеспечивает действительную полноту жизни, когда не происходит никакого ущемления существа, когда гарантируется действительная свобода, действительное обладание всем желанным сполна;

— 2. а также тогда, когда ни первому, ни второму не надо будет угадывать волю третьего, подстраиваться под неё, то есть тогда, когда абсолютная воля третьего будет действительно волей остальных.

Если есть на земле идея любви, если есть в людях стремление к гармоническому сочетанию, значит, космическому принципу не чужда любовь, стремящаяся воплотиться в людях. Цель людского космоса - не просто воплощение личного Абсолюта, а выраженное на земле сочетание двух Личностей, объединённых в любовь волею, исходящей из третьей Личности, волею, становящейся волей Трёх.

— Ленинград, 10 июля 1980 г.

8.

— Так мы пришли к догмату о Боге как о Пресвятой Троице. "Единый Бог в трёх Лицах". Этот догмат удовлетворяет всем нашим условиям:

— 1. Жертвенная самоотдача Лиц ни в коей мере не ущемляет полноту обладания Единым Существом, ибо Бог как Существо один и неразделён;

— 2. Воля, будучи природным свойством, едина в единой природе Абсолюта.

— (Но сейчас нам не надо вдаваться в тонкости догматической терминологии: она сложилась в конкретном философском контексте IV века, а нас сейчас не это интересует).

— Блаженство любви и свободы достигается не эгоистическим индивидуальным захватом и не жертвой бездушному закону, а обретается в полноте единого существа тотальной, совершенной жертвой всего эгоистичного и индивидуального.

— Это космическое значение жертвы понятно как-то интуитивно, без особого анализа. Оно чувствуется в элементарных человеческих отношениях с их корыстными и бескорыстными дарами друг другу, с самоотдачей (и тем самым самообретением) в плотской любви, в родственных отношениях, во всех видах общественной и религиозной практики. И в самом деле: нет такой религии, где во главу угла не ставилась бы жертва. В Ведах, например, жертва считается основным законом мироздания. Не было бы жертв, погасло бы солнце и луна, исчез бы мир. Во всём этом туманная интуиция христианского Откровения, где жертва любви открыта как свойство Единого Бога в Трёх Лицах.

Однако вернёмся к нашим двум людям и посмотрим, как возможен для них выход в безусловность свободной любви.

Бог как Лицо воплотился, стал человеком, то есть одним из нас. Он разделил с нами все условия нашего земного пребывания от рождения до смерти (причём смерти мучительной и позорной). Полнота и совершенство Его жертвы как Бога и как Человека (смотри моление в Гефсиманском саду: "не Моя воля, но Твоя да будет" Мф26,39; Мк14,36; Лк22,42; особенно вся 17-я глава Ин) возвели человеческую природу на предельную ступень эволюции, из области земной обусловленности и несвободы в область безусловного, свободного бытия (Воскресение и Вознесение). Единоприродное нам тело, не утратив своей телесности, стало телом безусловным, свободным, не подверженным разложению и насилию, телом Абсолюта.

— Людям отныне предстоит только присоединиться к этому новому Богочеловеческому существу. Но как? Ведь ясно, что одним только "хочу быть богом" здесь ничего не получится. Можно было бы ответить: люби Христа, направляй свою волю согласно Его воле, жертвуй собой для Него, и Он соединит тебя с Собою. Это, конечно, верно и хорошо, но ведь вопрос в том, где этот Христос, которого мне надо любить, как узнать Его волю? Отвечают (толстовцы, моралисты и проч.): Он ведь учил. Есть Его учение. Вот ему и следуй.

— Простите, - ответим мы, - так чем же такой оборот дела будет отличаться от навязанного внешнего закона? Мало ли учений, да указов, да приказов на свете! Да и кто мне гарантирует, что учение Христа лучше других? А может быть то, что вы выдаёте за Его учение, есть всего лишь учение Толстого или какого-нибудь другого ничтожества, ничем принципиально от меня не отличающегося?

— Нет. Если уж возможна любовь и свобода, то отнюдь не одними только человеческими благопожеланиями, учениями и субъективными устремлениями.

— Воля хотя бы двух на земле должна действительно стать волей Бога, и наше существо должно действительно стать богочеловеческим существом Христа воскресшего и вознесшегося. Короче говоря, Божественная Троица должна была бы действительно оуществить Себя в людях как принцип свободы в любви.

Мы из Нового Завета видим, что на Вознесении Христа Откровение не остановилось. Апостолы, близкие ко Христу люди, ожидавшие наступления царства Израилева с царём Христом во главе, жестоко ошиблись и были разочарованы. В ужасе бежали они от Креста, видя крушение всех своих революционных планов. Не замедлило ждать и прямое предательство. Вслед за Иудой Пётр. Иуда повесился, а Пётр просто заплакал от обиды за Христа и за себя. Последующие события, как неправдоподобны они ни казались, как ни заставляли подозревать себя в галлюцинировании, всё же оставляли место для неопределённой надежды. Надежды на что? Да, очевидно, на то, что Он, столь всемогущий, что даже воскрес, вернётся, разгонит всю эту языческую шуштуру и воссядет-таки на престол славы Израиля, а их сделает-таки своими советниками и приближёнными.

Вспоминались ли им слова их Учителя?:

"Я буду просить Отца, чтобы Он вместо Меня дал вам Заместителя (2), Духа Истины, Который останется с вами навсегда. Мир Его не может принять, потому что он Его не видит и не знает. А вы Его знаете, и Он будет с вами и станет жить в вас" (Ин14,16-17).

(2) Здесь я слово Параклит перевёл как Заместитель, Наместник. В синодальном переводе - Утешитель. Это традиционно, но не совсем точно и не совсем ясно. Св. Дух в евангелии от Иоанна всегда называется именно заместителем, Помощником, который представляет Христа в Его отсутствие. Он продолжает дело Христа таким образом, что в Нём в общество приходит не кто другой как Сам Иисус.

— Как бы там ни было, перед Вознесением Он повелел: "Я пошлю вам Духа, обещанного вам Моим Отцом. Ждите здесь, в городе, пока Я не укреплю вас силою свыше" (Лк24,49) (перевод мой). Так они и поступили. И вот "при наступлении иудейского праздника Пятидесятницы (то есть через 10 дней после Вознесения Христа) все они снова собрались. Внезапно раздался шум с неба, как во время бури. Шум этот заполнил весь дом, в котором они находились. После они увидели что-то такое, что было разделено как языки пламени, которые опустились на каждого из них. И наполнил их Дух Божий..." (Дн2,1-4) (перевод мой).

— Так описано важнейшее для нас Откровение. Так начало в обществе совершаться то, что первоначально совершилось в одном Человеке, так в маленькой римской провинции среди нескольких простых запуганных людей началось то, чему впоследствии суждено

было охватить весь мир и так никогда больше и не кончатся. В крещении Святым Духом родилась Церковь.

— Но что же всё-таки произошло? Как связать это событие с осуществлением Бога-Троицы в мире?

— Для уразумения этого возьмём любого из участников тогдашних событий, какого-нибудь ученика Христова, любившего своего Учителя: Петра, Матфея, Иоанна... Пусть - Пётр.

— Мы понимаем теперь, что для того, чтобы Петру стать свободным участником безусловного существа Христа, ему необходимо было:

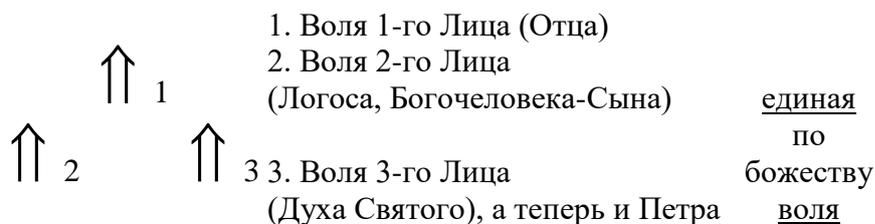
— 1. Знать Христа, любить Его, быть свидетелем Его жизни, жертвы, Воскресения и Вознесения, быть уверенным во всём происшедшем как в действительном факте.

— 2. Знать, к чему ему, т.е. Петру, надо стремиться.

— 3. Иметь волю, согласную с волей Христа.

— 4. Быть готовым на жертву, аналогичную Христовой.

До событий дня Пятидесятницы налицо было только первое из перечисленных условий: Пётр знал Христа, знал всё с Ним случившееся и по-человечески любил Его. Очищение Духом Святым, - этот внезапный, как всегда, скачок в эволюции, - дополнил необходимое. Третье Лицо Пресвятой Троицы выразило Себя в Петре так, что сделало этого человека орудием Своей воли и действия. (Мы, кстати, до сих пор не рассматривали участие Св. Духа в космической истории, в воплощении Логоса-Сына во Христе, т.к. это было методически невозможно, да и не нужно. И теперь тоже опустим этот самостоятельный вопрос). Не какие-то туманные догадки, чувства и волевые импульсы руководили отныне разумом и волей Петра, а Сам Бог Дух Святой, Третье Лицо Троицы. Петр очистился (слово "крещение", греч. "баптизма" означает именно омовение, погружение в воду с целью омыться, очиститься). Он понял всё, что произошло; он приобрёл волю, согласную с волей Христа, а, следовательно, и с волей Бога; он стал готов на жертву, ибо ясно стало, ради чего стоит жертвовать.

Отныне никакая видимая отдельность от Христа, индивидуальность, не могла смутить Петра. Он знал, он чувствовал, что он нераздельно соединён с Христом Воскресшим и Вознесшимся: "уже не я живу, но живёт во мне Христос" (Гал.2,20). Пусть смеются окружающие: ведь они ничего не знают, не чувствуют, не видят Духа (как и предупреждал Христос, см. раньше), а он знает и чувствует, и это знание прочнее, чем все остальные знания на свете.

Ведь и во Христе при Его земной жизни никто не мог увидеть Духа Божия, никто не мог предположить Воскресения и свободы в этом рабском образе, в этом униженном и оплётанном человеке. То же и с Петром, с Иоанном, с Матфеем, с Фомой, со всеми ими: их будут гнать, будут смеяться над их ничтожеством, их казнят, - ибо Духа мир не увидит. Дух невидим, но непобедим, так как это Дух Святой - Бог.

Любовь нельзя себе выдумать. Она - плод Духа. Они же любил.

Радость нельзя себе выдумать. Уж есть - так есть, а нет её - нигде не купишь. Они были пьяны от радости, как пьянится от радости до сих пор всякий, сочетающийся со Христом. Этой радости, мира, спокойствия, неколебимой уверенности люди вне Церкви

не знают. Только Церковь со дня своего рождения донныне и до окончания века будет хранить в себе и щедрою рукою раздавать эту радость в Духе святом всякому, воистину прибегающему к ней.

— Апостолы стали Екклезией (то есть Обществом, Собранием, Церковью), о которой говорил в Своё время Христос: "создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют её". Они стали невидимо единым существом любви, единым Телом Богочеловека Христа.

Существом, соборно (католически) повторяющим единоличный земной путь Христа, с тем, чтобы соборно повторить Его жертву и Его Воскресение.

— Люди, не знавшие лично исторического человека Иисуса, видели теперь перед собою Петра, Иоанна, Фому ... - Церковь. Они заражались их вдохновенной проповедью, их любовью, они очищались (крестились) невидимым Духом и видимой водой, они невидимо присоединялись к Телу Христову, а видимо - к Церкви, они переполнялись радостью, которую не соглашались променять ни на какие сокровища мира, они шли на жертвы, если этого от них требовала сложная историческая жизнь Церкви.

— "Все вы, - пишет Павел, - во Христа крестившиеся, во Христа облеклись (3). Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского, ибо вы одно во Христе Иисусе" (Гал.3,27-28).

— (3) Собственно, "все вы, кто во Христа окунулся, во Христа, как в одежду оделся ...". *Ведь безусловное тело Христа повсюду. В него можно и в самом деле "нырнуть" (креститься).*

— Так предварительно, невидимо для мира, но явственно ощутимо для самосознания всех причастников Богочеловечества разрешаются волновавшие, волнующие и имеющие ещё долго волновать мир неразрешимые социальные проблемы: любовь и свобода.

— Так Один открыл путь в безусловную жизнь всем. Так начало осуществляться дело Троицы в человеках.

— (Замечу, что недаром день рождения Церкви, то есть Пятидесятница, в русском народе называется Троицей).

— Пусть мечется мир, мятётся, дёргается и кривляется в поисках выхода из своих тупиков. Выход давно был открыт всем ищущим его в маленькой иерусалимской комнате. Ищущий да обрящет: ведь сказал Христос: "мужайтесь: Я победил мир" (Ин.16,33).

Ленинград, 10 июля 1980 г.

9.

Редко какое заблуждение было столь устойчивым, как древнее представление об индивидуумах (или "атомах" по греч.). Согласно этому представлению человек, равно как какое-либо другое создание, представляет собой по своей природе неделимое целое (individuum, α-τομοζ, не-делимое). Устойчивость этого воззрения, несмотря на очевидное сопротивление действительности, объясняется тем, что здесь при отсутствии понятия личности действовала интуиция личности. И в самом деле: личность одна, единственна, неповторима и неделима (как идея конкретного человека), но действительная природа, выражающая эту личность, отнюдь не единственна, не замкнута и вполне делима. Так, если мы возьмём Льва Толстого, то как личность он один и неделим: нельзя говорить о половине Льва Толстого или о другой его части. Но как видимое выражение, физическое воплощение личности, Лев Толстой, будучи, как и все мы, частью космоса, часть отнюдь не изолированная. Достаточно напомнить, что он имел много детей, которые, судя по всему, произошли именно от отделённого им семени. Не говоря уж о том, что природа Льва Толстого обнаруживала признаки делимости ежесекундно; он дышал, терял зубы, волосы... и все эти "части Льва Толстого" входили немедленно в общекосмический баланс вещества и энергии. Не будет ничего удивительного, если обнаружится, что на мне растут волосы, частично принадлежавшие некогда великому графу.

Это очевидное единство общекосмической природы при наличии в ней множества

личных центров самосознания немедленно проясняет для логической индукции уже "выведенный" нами ранее догмат о Троице. Нехристианам всегда представлялось не только непостижимым, но просто и абсурдным: как же так? природа Бога одна, но при этом в Боге Три Личности? На самом же деле абсурдным этот очевиднейший факт множественности лиц при единстве природы может показаться лишь тем, кто не привык задумываться и обобщать. Ведь если в космосе мы находим единство природы при личной множественности, то в этом действительном факте должен ведь выражаться какой-то общекосмический принцип. Здесь даже не надо ничего доказывать, так как это - самоочевидность.

— Другой вопрос, - почему три, а не два, не пять, не миллиард? Но это ведь понятно из предыдущих рассмотрений. Просто три в данном случае число абсолютное. Один - мало, два - мало, три - достаточно, четыре - избыток, так как четвёртое лицо в Абсолюте может быть, а может и не быть, его бытие для абсолютности Абсолюта не необходимо. Три - необходимо и достаточно.

— Это как в следующей аналогии: как построить на плоскости замкнутую фигуру прямыми линиями, не тождественными друг другу? Сколько линий необходимо и достаточно безусловно? Одна - мало, две - мало, три - хватит, четыре - с избытком... Может быть и миллиард линий, но все, кроме трёх, условны, а три - безусловны.

Признание факта общекосмического единства приводит к ряду важных для жизни и осознания её смысла телеологических выводов.

— Как мы уже выяснили, цель человеческого общежития - достижение состояния свободы в любви. Любовь же, - в её совершенстве, а о несовершенной любви мы из телеологических соображений не говорим, - требует любви ко всем людям, признание права на свободу и любовь абсолютно каждого человека. Фактическая действительность смеётся над личными устремлениями человека к безусловности. Взять хотя бы смерть (своевременную или несвоевременную, - безразлично). Трезвая мысль признаёт, что смерть лишает человека какого бы то ни было личного смысла жизни. Ведь если человек эгоист, то он любит себя и не может примириться с фактом своей действительной ничтожности, полной обусловленности смертью. Если человек альтруист, ну или хотя бы любит своих детей, то он не может, оставаясь человеком, то есть личностью, примириться с фактом ничтожества других, с неизбежной тленностью своих детей хотя бы. Когда человека что-то угнетает (пусть мысль о своей или чужой смерти), он не свободен, он именно угнетённый. Если бы смерть, несвобода были нормальным, естественным и окончательным состоянием человека, то человек не мог бы осознавать её гнёта. Ведь не замечает же рыба в однородной воде и человек в воздухе гнёта (давления) воды или воздуха, гнёт осознаётся только тогда, когда мы вытащим рыбу на воздух, а человека поместим на глубину, и этот гнёт будет свидетельствовать о том, что где-то, в принципе есть нормальные условия существования (на воздухе для человека и для рыбы в воде).

— Спасение (то есть свобода) немислимо в одиночку. В силу всеобщей, действительной связанности, в силу единства человеческой природы свобода может быть мыслима только для всех, всех без исключения. Немислимо быть свободным, если рядом с тобой кто-то умирает. Пусть даже не сейчас, пусть это было давно: немислимо сознавать своё блаженство, если ты знаешь, что окончательно и бесповоротно попорано счастье и свобода других, что кто-то погиб бессмысленной смертью в газовой камере хотя бы сто лет назад, и помочь ты не в силах, не свободен помочь.

— Грядущий материалистический коммунизм - недостойная человека пляска и веселье на костях и стогах бесчисленных поколений. (Как издёвка читаются слова статьи

"Свобода" из IV тома Сов. Философ. Энциклопедии: "Марксистский материализм, ..., есть творец мира, который будет населён богами, не знающими скуки ...". Здесь не поймёшь, - не то это инфантильность, не то эстетствующее нищезанятие.)

— Всё это достаточно тривиально как для логического, так и для нравственного сознания, но безрелигиозные люди как-то не обращают на это внимания.

— Совершенно очевидно, что христианское Откровение устранило тяготеющую над людьми бессмыслицу всё тем же фактом воскресения и вознесения Христа. Для иллюстрации логически необходимых выводов из этого величайшего исторического события может послужить любая икона Вознесения, иногда называемая Сошествие в ад. Сияющий Христос в мандроле (итал. Mandrola - миндалина, миндалевидное сияние славы вокруг образа), попирая ногами сокрушённые двери, ведущие в смерть (чёрная дыра преисподней), крепко держит за руки Адама и Еву (символ всего человеческого рода), буквально вытягивая их из распахнувшихся гробов в сияние вечного дня. Глубоко под землёй виден связанный по рукам и ногам Аид (Гадес, Ад, Α-ιδεζ, нечто без-идейное, бесформенное, - персонификация смерти), рядом с ним валяются ключи, замки, щипцы, всякие орудия насилия и пыток. Возле же Христа, в блистающем золотом свете (золото - символ того, что утверждается евангельской фразой: "Бог есть свет, и нет в Нём никакой тьмы".) собрано древнее, новое и грядущее человечество в образах праведников.

— Так и в ликующем Пасхальном гимне при мирадах зажжённых свечей (символ изменения, преображения) и крики радости Церковь поёт:

"Христос воскрес из мёртвых,
смертию смерть поправ,
и сущим во гробех живот даровав!"

Вещественно-физическая тайна Христова Воскресения нам сейчас недоступна, так же как недоступна сейчас тайна происхождения человека и тайна грядущего соборного воскрешения человеческой природы. Но одно из исторического факта Христова Воскресения следует с необходимостью.

а) В силу достижения Христом телесной безусловности наша человеческая природа в принципе не может быть чужда Его непосредственного телесного воздействия. Для безусловной, свободной природы Христа нет пространственно-временных условий. Отныне не космос Им обладает, а Он владеет над космосом, выполнив призвание первобытного Адама (царство не от мира).

б) В силу действительного единства человеческой природы и телеологического единства человечества в свободе и любви к безусловности Христа должно присоединиться соборно всё человечество независимо от того, когда каждый отдельный человек жил: до Христа или после Него.

Как происходит (или произойдёт) воскрешение всех людей, пусть объясняет тот, кто может объяснить, как произошло Воскресение и Вознесение в безусловность Самого Христа.

Решительно ясно, что вне факта Воскресения Христа не имеет смысла ни существование одного человека, ни существование всего человечества. В Воскресении обретает завершение смысл эволюции космоса к человеку и неотделимый от одного человека смысл существования всего общества. Всё это открылось Церкви Духом Святым в день Пятидесятницы, открытие же это преисполняет радостью членов Церкви поныне и до окончания века. Радость же эту Церковь стремится передать остальному миру на своих исторически сложных путях, указывая людям на смысл их существования и давая действительные силы не впадать в уныние от видимой бессмыслицы смерти.

— Представить себе своими собственными силами образ всеобщего воскрешения, да не только представить образ, но помыслить таковой факт исполнения смысла, - невозможно людям по причине их почти тотальной обусловленности. Это всё равно как древней обезьяне невозможно было ни представить, ни помыслить человека, в которого она превратится на путях эволюции. Собственными силами, - написал я, - невозможно. Но по счастью уникальный факт Воскресения и Вознесения не только самой своею фактичностью может открывать людям глаза на смысл и существования (этого явно недостаточно, так как это факт бывший, plusquamperfectum, в нём вполне можно усомниться, приняв его за обман, каких немало в истории). Но факт этот открыл возможность действительного, независимого от человеческой условности воздействия безусловной природы Воскресшего Христа на людей, невидимо укрепляя их волю, просвещая ум и вообще объединяя их в Церковь Своего Тела. И как в условной человечности Христа трудно было другим людям увидеть будущее прославление, но для Самого Христа Его Воскресение было предметом величайшей убеждённости, о чем Он и проповедовал среди Своих последователей, не обманув их и не обманувшись. Так же трудно вне Церкви людям увидеть своё будущее воскрешение, хотя для Церкви это предмет незыблемой уверенности, как я уже написал, не столько в силу исторического факта Воскресения, сколько в силу укрепляющего действия безусловного Принципа, материально действующего в космосе благодаря Христову Вознесению.

— Если бы христианство было только учением, - его мистическая фантастичность, гностическая приземлённость до позитивизма, его этическая неоригинальность, - всё это не смогло бы сделать из него всемирной религии. Многие учат, но многие ли дают? Христианство - это не учение, а действительно новая жизнь, поэтому и Христос - не Учитель, а Спаситель.

— Об этических, педагогических, литургических и вообще житейски практических выводах, которые неизбежно вытекают из факта Христова Воскресения и из осознания через этот факт конечного смысла человеческого существования, обо всём этом нечего и говорить, настолько очевидно, что вся мораль, педагогика и житейская практика получают логическое основание только при наличии конечного смысла. И наоборот, без Воскресения вся мораль, да и вся жизнь вообще - кошмар бессмыслицы, либо проваливающийся в бездну небытия эрзац смысла.

Ленинград, 11 июля 1980 г.

10.

Но космос не сводится к одним людям. Звёзды и солнце, радуга в небе и радуга цветов на весенней земле, рыбы в воде и щебет и блеск оперенья у птиц в ветвях, - всё это тоже космос. Мы не можем с достоверностью указать на смысловые пути эволюции внешнего по отношению к человеку космоса. Но с полной достоверностью можем указать на тот очевидный факт, что именно никакого внешнего космоса для человека не существует. Человек живёт и действует среди звёзд, цветов, рыб и птиц, - полезных и вредных. Космическая природа едина и пронизана единым космическим Принципом своего существования. (Сейчас, особенно после квантовой механики 30-х годов, никто уже не рискует так грубо, в лоб говорить об "объективном" мире, который познаётся "субъектом" в своих независимых от субъекта проявлениях. Если говорят, то с невнятными оговорками, просто скорее по косной привычке). В известном смысле мы можем говорить о "внешности" по отношению к человеку даже его собственного, постоянно меняющегося тела (моя рука, нога, волосы или кишка - это ещё не я сам: всё это может быть предметом моего отстранённого наблюдения и эксперимента). Но в известном смысле ничто для меня не внешне, так как я являюсь одновременно объектом и субъектом бесчисленных действий в этом мире. Я не только обусловлен, но и обуславливающий. На свете вообще всё друг друга обуславливает, - в этом выявляется

единство космоса. Но условия, которые налагает человек на окружающий мир, совсем иные, нежели условия, которые налагает на мир солнце или цветок или птичка. Птичка съела муху, и за это она неподсудна, ибо действует почти механически, без рассуждений, безлично. В человеке же выражает себя Принцип свободы, поэтому он относительно ответствен за совершаемые им действия в мире. Человек призван "владычествовать" в космосе, то есть личным образом, разумно и свободно обуславливать его. Коллизии, которые возникают внутри системы взаимодействий "человек - окружающий мир", очевидны, и об этом нет смысла распространяться. Нас сейчас интересует только телеология этих взаимодействий. В них обнаруживает себя примерно тот же принцип, который действует в человеческом обществе, только общество теперь выступает по отношению к окружающему миру как нечто единое (как ранее человек по отношению к обществу), люди желают освободиться от условий, налагаемых на них окружающей природой. Это наглядно видно в развитии техники производства, строительства, путей сообщения, в подчинении и истреблении животных, в развитии медицины и т.д. С другой стороны, люди прекрасно осознают не только какое-то туманное право на относительную свободу и самостоятельность окружающей природы, но в силу единства природы прямо-таки страдают от попрания этих "прав" природы. "Мы не можем ждать милостей от природы после того, что мы с нею сделали" - перефразировка мичуринского лозунга.

— Здесь, как и в социуме, возможны два пути законного, "разумного" эгоизма (только под Эго будем понимать уже общество как целое, а под социумом - остальную природу). Первый путь - аналог "свободного общества" - приоритет индивида (у нас - людей) над социумом (у нас - природой). Хищническое, несдержанное разграбление природных богатств, нарушение экологического режима, истребление видов и комплексов и страдание самих же людей от всего этого безобразия, - результат последовательного проведения в жизнь этого принципа. Второй путь - аналог "социалистического общества" - приоритет природы над людьми. Застой в развитии техники и практической науки, отказ от борьбы за существование и в логическом пределе - вырождение, разруха, стаи волков на городских площадях. К относительному счастью общество пока клонится к первому пути, однако голос "назад к природе" раздавался из Женевы ещё в XVIII веке. Но мы видим, что как в одном, так и в другом случае эгоизм оказывается именно неразумным, ибо Эго всё равно страдает.

— И тем не менее, определённые тенденции в отношениях "люди - природа" налицо. Отрицать их невозможно. Людям ясно, что они ищут, неясны только пути, ведущие к гармоническому сочетанию человеческой свободы и красоты и свежести природы. Ко всему этому примешивается ещё один момент: чувство братского единства с животными, острое ощущение бессмыслицы и страдательности тварей в их скоропреходящем цветении и в этически неприемлемом для людей факте тотального взаимопожирания. Этически и эстетически безразличное отношение к природе во все века служило признаком человеческой недоразвитости, бесчеловечности в человеке, преобладание в нём бессмысленного, звериного начала. Посмотрим на каких-нибудь известных своей личной злобностью исторических деятелей. Ведь когда Бенедикт Спиноза помещал в закрытую банку пауков и со сладострастной жадностью наблюдал их жестокую борьбу, когда Михаил Лермонтов не мог пройти мимо беззащитных животных, каких-нибудь куриц, чтобы не сбить их с ног ловко кинутым камнем, - мы воспринимаем эту мерзость в том же ключе, как злобное хулиганство на ночных городских улицах или как пытки Ивана Грозного да застенки концлагерей в нашем столетии.

— Страдают люди, но страдают и животные: им тоже не хочется, чтобы их терзали и пожирали. Суетность и бессмысленность их жизни очевидна, только сознаётся она не ими, а человеком - единственным разумным существом среди них.

— Этот-то разум и потенции к свободе суть залогов разумно-свободного отношения человека к твари, залогов её освобождения от бессмыслицы и мучений. Об этом пишет св. ап. Павел: "Все создания с нетерпением ждут, чтобы Бог явил, наконец, славное

владычество Своих детей, Ведь Он предоставил всё создание власти брэнности не оттого, что оно было в чём-то повинно, но оттого, что Он вовлѣк его в суд над человеком. Но Он дал также созданиям Своим надежду, что они в один прекрасный день будут освобождены от проклятья суеты. Тогда они уже не будут рабами смерти, но станут участниками вольной жизни детей Божиих". (Рим.8,19-21; вольный перевод мой).

— Где действуют тенденции, там есть и принцип, руководящий этими тенденциями. Этот принцип не может быть чуждым общекосмическому Принципу по часто уже упоминавшейся причине.

— Одно из удивительных проявлений тенденции взаимодействия "человек - прочая тварь", - сильное "очеловечивание" твари. Здесь имеется в виду, например, практическое применение, науки в органопроекции (то есть разумной проекции человеческих органов во внешнюю среду): глаза "продолжают" себя в качестве микроскопов и телескопов; органы речи - как радио; ноги - как поезда и ракеты; мозг - как ЭВМ; кулак - как бомба и т.д. Здесь, в технике, мёртвое вещество как бы оживает и исполняется неприсущим ему смыслом, или взять приручение диких животных, селекцию удивительных сортов растений с гипертрофированными телеологическими функциями: многоколосая пшеница, дивные, сказочные цветы и т.д. "Собака - лучший друг человека", - это не просто механический симбиоз. Или, наконец, художественное творчество, - ярчайшее проявление одухотворения мертвого вещества.

— Эта телеологическая тенденция к одухотворённому органическому всеединству космоса с разумно-свободным человечеством (детьми Божиими) во главе его берѣт Начало в Принципе космического всеединства и получает своё оправдание в воплощении, окончательном выражении Смысла всего космоса. Этот предельно обоженный космос называется в богословской традиции Софией или Воплощённой Премудростью (софия - греч. премудрость).

— София - это всеединая, воскрешённая, через человека художественно одухотворённая, а через Христа обоженная в нетление тварь - действительно освобождённый Космос - Новый Иерусалим, космический храм Бога - Смысла. Как у ап. Павла: "да будет Бог всё во всём" (I Кор. 15,28).

— Логосом, Мудростью, Смыслом обусловлена вся космическая действительность. София живѣт в мировом движении как неосознанная цель всеобщего стремления, как сила, всё приводящая в движение (вспомним нашу аналогию с башней). Ибо мир стремится к всеединству; а всеединство действительное, осуществлённое, есть София.

— "Неосознанная цель" - написал я. Но для высшего созерцания Смысла эта цель всегда была видима, осознана:

_____ "Не веруя обманчивому миру,
_____ Под грубую корою вещества
_____ Я созерцал нетленную порфиру
_____ И узнавал сиянье Божества". (Вл. Соловьѣв)

Логическое осознание Софии или Вселенской, Космической Церкви как цели и логического основания нашего мира, вообще говоря, никогда не представляло больших затруднений.

Фактическое же осознание Софии может произойти и произошло не иначе как в факте Воскресения Христова.

Аминь и Богу Слава!

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)